

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ХАЙДЕГГЕРЕ И ПРИКЛАДНОМ БАКАЛАВРИАТЕ...

Сегодня налицо тенденция сокращения общеобразовательных (особенно гуманитарных) дисциплин в технических вузах. Программы прикладного бакалавриата, активно внедряемые в системы ВПО и СПО, нацелены на подготовку специалистов-производственников. Никакой «лирики»: с первого курса — как можно больше производственной практики. Вузы проводят совещания и методические семинары, пытаются решить, каким образом вместить в новые образовательные стандарты хотя бы общекультурный познавательный минимум. Выход буквально навязывается: *внедрение новых образовательных технологий*. Необходимо срочно переходить на дистанционное обучение, системы обучающих тренажёров, экспресс-тестирование, вебинары и так далее, и тому подобное. Всё это позволит студентам и учащимся школ осваивать большие объёмы информации за малое количество часов при сокращении трудозатрат преподавателей. В нашем вузе, например, создана для этого Лаборатория инновационных образовательных технологий (ЛИОТ), причём именно при кафедре гуманитарных дисциплин. Дух времени...

Протест против нововведений ни в коем случае не является целью данного сообщения. Он был бы, скорее, показателем косности и догматизма автора. Так же как и любые попытки обоснования этого протеста в следующих формулировках: «мы не привыкли», «не лишайте студентов живого общения», «мы так совсем разучимся говорить». В конце концов, ко всему новому надо привыкать, а образование — это не единственная сфера для развития навыков общения (не в этом его главная задача). Да и сама постановка вопроса в корне не верна: не надо сопротивляться новому, надо научиться находить ему адекватное применение. Новые образовательные технологии — не зло. Они решают целый комплекс насущных задач, если изначально правильно

определить границы их компетенции: когда, какие именно и в каких объёмах эти технологии применять. Плохо, если бездумно и навсегда вытесняются старые методы преподавания именно там, где они по-прежнему существенно необходимы. А для того, чтобы выявить такие области, нужно снова и снова разбираться в специфике технического и гуманитарного.

Задача не новая, но так и не имеющая до сих пор приемлемого решения. Кажется, что «гуманитарное» (как специфическая сфера знания) постепенно вытесняется из нашей жизни, и мы рискуем остаться вскоре в нашем сложнейшем многополюсном и многослойном мире без каких-либо ориентирующих обобщений. Вспомним предостережение Хайдеггера: «Пока (и мы не знаем, как долго это будет продолжаться) человек на этой земле находится в опасном положении» [4, с.110]. Почему? Главным образом, потому что мы разучились мыслить. «...Однажды вычисляющее мышление останется *единственным* действительным и практикуемым способом мышления. Тогда какая же великая опасность надвигается на нас? Равнодушие к размышлению и полная бездумность, которая может идти рука об руку с величайшим хитроумием вычисляющего планирования и изобретательства» [4, с.111]. Беда в том, что оставшийся тип мышления (назовём его «техническим») при всей своей важности не имеет к сущности человека никакого отношения.

Осмелимся предположить, что предостережение Хайдеггера имеет непосредственное отношение к специфике гуманитарного и технического, в то время как общепризнанные классификации всё-таки не улавливают существа проблемы. Не «физика и математика» против «истории и философии», а «гуманитарный подход» в любых науках *в содружестве* с «техническим подходом» в любых науках. Здесь термин «техническое» понимается крайне широко, как дополнительный к термину «гуманитарное», т. е. «всё, что *не* гуманитарное». Можно преподавать физику как гуманитарную дисциплину, а историю и литературу как строгую техническую науку. Однако этот тезис нуждается в существенных пояснениях.

Наша гипотеза основывается на двух базовых преобразованиях сознания,

удачно определённых американским философом Кеном Уилбером как *трансляция* и *трансформация* [3, с.71-75]. Движение поверхностных структур сознания Уилбер называет трансляцией, а движение глубинных структур сознания — трансформацией. Трансляция сопровождается накоплением и усвоением «горизонтального» или экстенсивного опыта, тогда как трансформация представляет собой существенное интенсивное преобразование сознания, то есть движение по «вертикали» с одного уровня понимания на другой. При этом обе формы изменения сознания не могут существовать друг без друга. Накопление трансляционного опыта происходит в рамках какой-то достигнутой парадигмы (в «куновском» смысле), а для перехода на следующий уровень (т. е. для трансформации) содержание данной парадигмы должно быть досконально и плотно освоено. Механизм такой: трансформация — трансляция — следующая трансформация — и т.д..

Когда Хайдеггер говорит о «вычисляющем мышлении», он фактически описывает язык трансляции современного уровня западноевропейского сознания: это язык, который легко оперирует формальнологическими понятиями, разворачивается в пространственно-временном и причинно-следственном контексте, а также опирается на достижения науки Нового времени как на свои глубинные основания (со времён Канта знание называют знанием, только если оно возможно как наука). Язык естественно-научных и технических дисциплин максимально соответствует языку современного уровня сознания, вот почему он стремится распространиться (по горизонтали) на все сферы бытия и поглотить собой всё возможное знание. Вот почему непрерывно звучат попытки обосновать философию «как науку», психологию «как науку», теологию «как науку», свести музыку к музыковедению, а литературу к литературоведению. Любое знание на современном этапе стремится принять форму естественнонаучного и сугубо технического. Так осуществляется трансляция (т. е. освоение) современного уровня сознания через специфику естественно-научного языка.

С другой стороны, термин «гуманитарное», казалось бы, отсылает нас

куда-то в Средние века, в период поздней схоластики — на предыдущий уровень сознания, когда подлинным знанием считалось умозрительное постижение истин Святого писания, когда границы познания определялись инструментарием рассудка, а дополнять познание мира опытно-экспериментальным путём считалось оскорбительным для разума и крайне нецелесообразным. Но не стоит в данном случае цепляться за терминологию, ведь значение «гуманитарного» в корне преобразилось. Сегодня «гуманитарное» призвано усмирить и уравновесить «техническое» в том примерно смысле, в котором хайдеггеровское «осмысляющее раздумье» должно ограничить «вычисляющее мышление». Задача «гуманитарного» сегодня — это поиск новой вертикали, путь к новой трансформации сознания. И если мы говорим об отказе от естественно-научного подхода, то только в контексте преодоления отживающей парадигмы, а не в качестве отказа от достижений научно-технического прогресса.

В свете всего сказанного можно предположить, что *гуманитарным является любое знание, которое ведёт к трансформации сознания, т. е. изменению сущности человека, а техническим (естественно-научным) является любое знание, которое способствует накоплению и систематизации информации о наличном уровне сознания.* Можно также принять в качестве аксиомы, что без соответствующего качества естественно-научной подготовки, шаг на новый сверхнаучный уровень познания невозможен. Как когда-то невозможен был шаг к научному мышлению без соответствующего освоения предшествующей схоластическо-религиозно-натурфилософской платформы. (Аксиома, которую, вероятно, будут оспаривать философские и религиозные учения, не поддерживающие идею развития вообще и идею развития сознания в частности.)

Приведу несколько поясняющих примеров:

Сикстинская Мадонна (технический аспект)

«Сикстинская Мадонна» (итал. *Madonna Sistina*) — картина Рафаэля, которая с 1754 года находится в Галерее старых мастеров в Дрездене.

Принадлежит к числу общепризнанных вершин Высокого Возрождения. Огромное по размерам (256x196 см) полотно было создано Рафаэлем для алтаря церкви монастыря Святого Сикста в Пьяченце по заказу папы Юлия II и т.д. [материал из Википедии].

Сикстинская Мадонна (гуманитарный аспект)

«...Он подходил, внимательно вглядываясь в Сикстинскую Мадонну, отходил и как замороженный опять подходил к ней. И было видно, что с ним происходит нечто необычайное, что это не искусствовед, не эстет, не просто ценитель искусства, а человек, который переживает созерцание картины как встречу, как подлинную, глубокую, внутреннюю встречу» [2, с.177]. Человек, о котором идёт речь — Сергей Николаевич Булгаков, а результатом его созерцания «Сикстинской мадонны» в Дрезденской галерее становится трансформация сознания, коренное сущностное изменение, определившее дальнейший жизненный путь и превратившее Булгакова из легального марксиста в одного из самых глубоких религиозных мыслителей XX столетия.

ТРИЗ (технический аспект)

ТРИЗ — теория решения изобретательских задач — область знаний, исследующая механизмы развития технических систем с целью создания практических методов решения изобретательских задач. «Цель ТРИЗ: опираясь на изучение объективных закономерностей развития технических систем, дать правила организации мышления по многоэкранной схеме». Автор ТРИЗ — Генрих Саулович Альтшуллер. Работа над ТРИЗ была начата Г.С. Альтшуллером и его коллегами в 1946 году и т. д. [материал из Википедии].

ТРИЗ (гуманитарный аспект)

«...Я был потрясён. Ведь все знали, что лёд тает, и я это тоже знал, но никто, ни один человек не догадался, что трансформатор можно передвинуть на лёд, а дальше всё произойдет само собой, и лёд плавно опустит груз на землю. Почему дядя Миша догадался, что так можно сделать, а мы не догадались?! И ещё: лёд, обыкновенный лёд, который годился только для того, чтобы охлаждать, оказывается, мог осторожно опускать тяжести. Наверное, лёд может

и многое другое. И не только лёд. У меня вдруг появилась мысль, что каждое вещество умеет делать всё, что угодно. Вот тут мне и пришло в голову это слово: *изобретение*. Я сообразил, что дядя Миша сделал изобретение и, следовательно, он *изобретатель*» [1, с.7]. Это воспоминания создателя ТРИЗ Генриха Альтшуллера. Текст о трансформации сознания. Повод для трансформации в данном случае никак не связан с дисциплинами, традиционно называемыми «гуманитарными». Здесь не идёт речь о музыке, о литературе или об изобразительном искусстве — мальчик просто наблюдал, как демонтировали испорченный трансформатор. Но гуманитарный аспект присутствует очень ярко, ведь произошло чудо — *осознание*. Отныне на весь окружающий мир Альтшуллер смотрел сквозь призму этого осознания, результатом которого стала самая нестандартная и многообещающая теория технического творчества.

Важно не спутать гуманитарный (трансформирующий) аспект познания со всякого рода фиксациями сознания, приковывающими нас к той или иной линии поведения и *внешне напоминающими* трансформации сознания. Например, фиксация на страхе, на мести, на чувстве вины в результате какого-либо события. В принципе, любое событие может лечь в основу познания и обогатить наш опыт (как трансляционный, так и трансформационный), но речь идёт не о самом опыте, а о соответствующем понимании этого опыта. Хайдеггер призывает нас к глубокому и тщательному обдумыванию даже самых незначительных событий нашего опыта, намекая, что «простота» события ещё не говорит о его несущественности. Процесс познания непрерывен — он не ограничен временем уроков или чтением обучающих книг, но задача уроков и обучающих книг — донести понимание этого факта до обучающихся.

Подлинной трансформацией является только то, что раскрывает нам новые горизонты собственной самости, что по-настоящему меняет наш ум в направлении большей ответственности, большей универсальности, большей чистоты духа. Это процесс, которому нельзя научиться, но можно к нему подготовиться. Вот почему проблема «гуманитарного-технического» гораздо сложнее, чем процентное соотношение часов, отводимых на физику, биологию

или музыку. Подлинно гуманитарный аспект обучения нельзя просто так «ввести» в программу, он возникает спонтанно в самых неожиданных сферах знания. *Но для его возникновения нужны условия*, нужно понимание, нужна серьёзная работа.

К сожалению, здесь невозможен простой переход количества в качество, и от массы запомненных через обучающий тренажёр имён философов и различных доктрин не зависит успешность осмысления. Нельзя чётко назвать условия, необходимые для очередной трансформации, поскольку это процесс не механический, а скорее, *органический*. Используя хайдеггеровскую терминологию, можно сказать, что новый «горизонт» сознания должен «вызреть» в неспешных беседах с подлинными Учителями, в многочасовых раздумьях и наблюдениях, в горечи собственных поражений и в радости личных открытий. Всё, что нам нужно — чтобы в системе образования остались такие Учителя, остались часы для таких раздумий и места для таких открытий. Чтобы всё это существовало *параллельно* новым скоростным и высокоэффективным технологиям, чтобы это не исчезло навсегда вместе с бумажными книгами и пачкающим руки мелом — символами уходящего века...

Примечания

1. *Альтов Г.* И тут появился изобретатель... - М.: Детская литература, 1987. - 126 с.
2. *Мень А.* Отец Сергей Булгаков // *Он же* Русская религиозная философия. - М.: Изд-во Фонда им. А. Меня, 2003. - 280 с.
3. *Уилбер К.* Проект Атман: трансперсональный взгляд на человеческое развитие. - М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. - 314, [6] с.
4. *Хайдеггер М.* Отрешённость // *Он же* Разговор на просёлочной дороге. - М.: Высшая школа, 1991. - 192 с.